

УДК 340

**Убийство из корыстных побуждений или по найму:
вопросы квалификации и дифференциации уголовной ответственности**

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Бабичев А.Г.

Кандидат юридических наук,
докторант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Авторы дают социальную и нравственно-правовую характеристику корысти и корыстных побуждений, выступающих в качестве доминирующего мотива преступного поведения, прежде всего убийства, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, раскрывают юридическую природу убийства, совершаемого по найму, исследуют вопросы квалификации и дифференциации уголовной ответственности за убийство из корыстных побуждений в различных формах их проявлений, а также при разбое, бандитизме и вымогательстве.

Ключевые слова: убийство, корысть, корыстные побуждения, квалификация, дифференциация, совокупность преступлений, разбой, бандитизм, вымогательство, мотив, цель, преступление, наказание, степень субъективной и общественной опасности.

**Великие горести всегда оказываются плодом
необузданного корыстолюбия.
Ф. Вольтер**

При выделении мотивов преступления как квалифицирующих признаков убийства, совершаемого при отягчающих ответственность обстоятельствах, в ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель учитывал прежде всего **нравственно-психологическую и социально-правовую характеристику, степень низменности побуждений**, которыми руководствовался убийца при совершении этого преступления.

В отличие от советского уголовного законодательства (ст. 33 Основ), которое в числе отягчающих обстоятельств **называло «корыстные и иные низменные мотивы преступления»**, действующее уголовное законодательство России не указывает на **нравственную низменность мотивов преступления**, которые, по мнению законодателя, **отягчают**

наказание (в п. п. «е», «е. 1» и «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ) или ответственность (например, в п. п. «б», «е. 1», «з», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), но **особая низменность преступлений**, совершаемых по указанным мотивам, безусловно, лежит **в основе определения их как сравнительно более опасных**, требующих более высоких пределов уголовной ответственности и сравнительно более строгих мер наказания за содеянное.

Непонятно, почему среди обстоятельств, отягчающих наказание (ч. 1 ст. 63 УК РФ), перечень которых является исчерпывающим, не оказалось таких низменных мотивов преступлений, как **корыстные и хулиганские побуждения**, которые содержатся в ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. п. «з», «и») и в ряде других

статей Особенной части УК, предусматривающих ответственность за квалифицированные виды ряда преступлений, или включенных в основные составы преступлений в качестве конструктивных признаков субъективной стороны их основных составов.

Зарубежный законодатель, выбирая мотивы преступлений в качестве отягчающих ответственность за убийство обстоятельств, непосредственно указывает и учитывает «**низменность**» или «**неуважительность**» **побуждений**, которыми руководствовалось лицо, совершая такое преступление.

Так, согласно § 2 ст. 148 УК Польши, простое убийство становится тяжким, если оно совершается «в результате **мотивации, заслуживающей особого осуждения**», а по УК Италии (ч. 1 ст. 77 УК), – если таковое совершается «**из низменных или неуважительных побуждений**». В ряде стран в качестве отягчающих или особо отягчающих ответственность за убийство обстоятельств выступают конкретные виды «**низменных**» или «**заслуживающих особого осуждения мотивов преступлений**».

Отсутствие внятной позитивной идеологии, бездуховность или чисто человеческая безнравственность, «злые нравы», утвердившиеся в субкультуре «блатных»¹, люмпенизированной² части общества, среди «успешных» бизнесменов и политиков, живущих по «законам джунглей», порождают «**низменную**» и «**заслуживающую осуждения мотивацию поведения**», которая особенно отчетливо проявляется при убийстве. Пифагор из Самоса справедливо призывал народы прежде иметь добрые нравы, нежели законы. «Нравы, – говорил он, – суть самые первые законы».

Особая роль среди «низменных» мотивов убийства принадлежит **корыстным побуждениям**. «По силе своего казуального воздействия на личность, – пишет Б.С. Волков, – по динамической способности вызывать активность этот мотив не имеет себе равных и может уступать разве что половому инстинкту... Свое особое развитие корысть получает в условиях капиталистического общества, когда накопительство осуществляется ради самого накопительства, когда в невиданных размерах осуществляется централизация производства и концентрация капитала» [2, с. 42]. Автор приводит слова К. Маркса, который писал: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком малой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленнее, при 50 % положительно

готов сломать себе голову, при 100 % он пожирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [Цит. по: 2, с. 42-43].

Называя американское общество преступным, бывший помощник одного из президентов США, профессор Эдвин М. Шур писал: «Многие из наиболее серьезных аспектов обстановки, сложившейся в сфере причин преступности, неразрывно связаны с главными социально-экономическими факторами неравноправия, существующего в нашем обществе. Отчасти эта связь проявляется непосредственно, в виде экономических и социальных стимулов, а также в форме чувства отчужденности и жестокой нужды» [3, с. 35]. По его словам, «все существующие модели преступного поведения являются ценой, которую мы вынуждены платить за ту структуру нашего общества, которую мы создали сами» [3, с. 24]. «У нас высоко ценятся динамизм, индивидуализм, конкуренция и личностный успех (он чаще проявляется в материальном достатке), – пишет далее автор, – которые помогают вырабатывать общий характер американской жизни... Чрезмерная приверженность к таким ценностям, превращение их в доминирующие в сочетании с некоторыми структурными характеристиками нашего общества могут создать определенные стимулы, толкающие индивидов на преступление» [3, с. 37-38].

Капитал, прежде всего крупный, «новой» буржуазной России, имеющий, как правило, криминальное происхождение, блестяще демонстрирует все эти порочные черты общества, основанного на рыночных отношениях, когда все продается и покупается и ценность имеет только сам капитал, только прибыль, а жажда наживы, стремление к накопительству выступает как основной фактор человеческой активности, определяющий смысл и содержание помыслов и устремлений человека. Разрушение личности, коррозия всех добрых устремлений, как у мистера «Скруджа» из известного американского мультфильма, приобретающих цвет «желтого дьявола» на фоне золота, которое сыплется и сыплется, и при виде его и ощущении этого драгоценного металла тот радуется как дитя, получившее самую любимую игрушку, приобретает в российском обществе характер нравственной болезни.

Золото, богатство, капитал – не невинная забава или игрушка. Это самый сильный негативный стимул к противоправному общественно опасному поведению. «Корысть причиняет больше всего зла на земле и часто порождает преступления, причем наиболее тяжкие» [2, с. 42]. Если в советском уголовном праве корысть была поставлена на первое место среди обстоятельств, отягчающих ответственность за убийство (п. «а» ст. 102 УК РСФСР 1960 г.), и обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 47 УК РСФСР 1926 г.), то в УК РФ 1996 г. она указывается

¹ «Блат» – «знакомство, связи, которые можно использовать в личных, корыстных интересах: незаконные связи и их использование» [1, с. 50].

² «Люмпен» – «деклассифицированный слой людей (преступники, бродяги, нищие), а также человек, принадлежащий к такому слою» [1, с. 337].

лишь в п. «з» ч. 2 ст. 105 даже не в «чистом виде», а в сочетании с другими обстоятельствами (убийство «по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом»), а в ч. 1 ст. 63 УК РФ среди обстоятельств, отягчающих наказание, как отмечалось, ей не нашлось даже места. Здесь видна компромиссная нравственно-правовая оценка законодателя, стремящегося преуменьшить степень опасности корысти как мотива социально-значимого поведения в условиях «новой» России.

Корысть далеко неоднозначна, а следовательно, неоднозначной должна быть и оценка степени субъективной и общественной опасности в различных случаях совершения **корыстного убийства и лица, его совершившего**.

«Корысть» следует понимать как «**выгоду, материальную пользу**» [1, с. 298]. Как справедливо отмечает Б.С. Волков, «накопительство, стяжательство, жажда наживы и т.п.» есть «**крайние формы проявления эгоизма по поводу материальных благ**» [2, с. 45]. В быту и в уголовном праве «понятие корысти имеет и более широкое значение – им (этим понятием) обозначают **всякое стремление к получению какой-либо материальной выгоды, пользы**» [2, с. 45].

«Корысть» – сложное, многослойное **негативное социальное явление и понятие**, имеющее **различные по степени низменности качества и оценки**, нередко отражающие тесную связь преступного поведения с личностью субъекта этого поведения, **различную степень выраженности в нем социальной опасности совершенного им из корыстных побуждений преступления и его личности**.

Корыстные побуждения, в которых отражается типовая **степень низменности, степень нравственной ущербности**, а значит, и **степень субъективной опасности** преступления и личности преступника, включают в себя:

1) **стремление к наживе, жажду обогащения «про запас»** даже за счет нечестно полученной прибыли, **страсть к накопительству**³, «**ненасытную жадность, стяжательство**»⁴, как проявление специфической черты личности преступника, отразившейся в совершенном преступлении, – **высшую степень корыстолюбия и наиболее опасную форму корыстных побуждений**;

2) **желание любого иного незаконного получения чужой собственности либо приобретения материальной выгоды, пользы от преступления**, – **среднюю или обычную форму проявления корысти**;

3) **стремление в результате совершения преступления избавиться от нужды, иных материальных затруднений, выйти из бедственного**

положения, в котором лицо оказалось в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, – самую низкую ступень и степень проявления корысти (материальной заинтересованности) в преступлении, где **доминируют объективные условия затруднительной ситуации при формировании мотива принятия решения, а не корыстолюбие, как негативное свойство личности преступника**.

Эдвин М. Шур, например, считал, что «бедность может порождать настроение глубокого отчаяния, безнадежности и тоски, вызывающие агрессивные импульсы, ведущие к определенным противоправным действиям» [3, с. 35].

В буржуазной России, где, только по официальным данным, числится 9-11 % бедняков, не считая миллионы нищих, бомжей и других опустившихся на дно общества людей, живущих за чертой бедности, людей, лишившихся работы, а часто жилья и возможности получать в том или ином виде социальную помощь, попавших в долговой капкан банков и других кредитных учреждений, ставших жертвами воров, мошенников или должностных лиц, злоупотребляющих своими служебными полномочиями, стремление выйти из нужды, долговой ямы или элементарное желание как-то выжить в условиях отчужденности и равнодушия в обществе становятся нередко стимулами к агрессивным противоправным действиям.

В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 говорится: как **убийство, совершенное из корыстных побуждений** следует рассматривать «убийство, совершенное **в целях получения материальной выгоды** для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или **избавления от материальных затрат** (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)». Здесь не отражаются нюансы, степени низменности корысти, а указываются лишь общие для всех корыстных поступков (преступлений) признаки. Это – **желание (стремление, побуждение) получить материальную «выгоду» или «избавиться от необходимых затрат»** в результате совершения определенного негативного (преступного) деяния.

Во всех таких случаях **стремление «получить материальную выгоду» или «избавиться от материальных затрат»** за счет умышленного лишения жизни человека свидетельствует об особой общественной опасности преступления и личности преступника. Исходя из такой социально-нравственной оценки убийства, совершенного из корыстных побуждений, где **материальный интерес преступника превалирует над жизнью – самым важным и бесценным благом человека**, авторы предлагают законодателю **предусмотреть в ч. 3 ст. 105 УК РФ такой особо квалифицированный вид убийства, как его «совершение из корыстных побуждений**

³ «Накопительство» – «стремление приобретать, запасать, обогащаться» [1, с. 384].

⁴ «Стяжательство» – «корыстолюбие, стремление к наживе» [1, с. 777].

или по найму», исключив одновременно этот признак (**«убийство из корыстных побуждений или по найму»**) из п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

На это предложение опрошенные нами юристы и будущие юристы (студенты юридических вузов) реагировали следующим образом: его поддержали 57,6 % респондентов, против высказались 32,7 %, а 9,7 % затруднились с ответом.

Указанное предложение поддержали: 70 % студентов юридических вузов, 64 % помощников судей, 63,6 % преподавателей юридических вузов, 60 % сотрудников прокуратуры, 57 % адвокатов, 56,6 % следователей СУ СК РФ, 46 % следователей МВД и 40 % судей. В ответах, высказанных в поддержку данного предложения, можно обнаружить несколько убедительных, хотя и кратких, обоснований позиции, занятой респондентами в данном вопросе. Это видно из нескольких наиболее интересных ответов опрошиваемых:

– Считаю целесообразным, учитывая реалии сегодняшней криминальной ситуации и то, что преступления подобного рода носят одновременно экономический, социальный и даже политический характер, к ним должно быть особое отношение со стороны законодателя. Количество преступлений такого характера не уменьшается, часто они носят замаскированный характер, не говоря уже о мотивах и целях такого преступления. Изложенное предложение является обоснованным и требует обязательного закрепления в УК, в первую очередь в целях предупреждения подобных убийств (судья);

– Считаю правильным данное предложение, чтобы сделать профессию «киллера» менее популярной. Принимая во внимание особую общественную опасность, исходящую как от «киллера», так и от лица, оплатившего его «услуги», и учитывая распространение такого рода убийств на территории РФ (помощник судьи);

– Скорее «да», чем «нет», так как все чаще обращаются к «киллерам» те лица, которые хотят «физически устранить» своих коллег, друзей и даже близких, других людей за вознаграждение. Я – за ужесточение ответственности «киллеров» и «заказчиков» такого рода убийств (адвокат);

– Надо ужесточить ответственность за такого рода убийства, так как они представляют особую опасность и достаточно распространены в России (студент юридического вуза).

Похоже, устами студента – будущего юриста «глаголет истина». Действительно: особая общественная опасность корыстных и «заказных» убийств, их распространенность, а нередко и включенность в их совершение организованных преступных структур требуют от законодателя адекватной реакции на них, чтобы остановить поток таких «работников» и «работодателей», которые «зарабатывают» и решают свои материальные и личные проблемы «на крови», на ли-

шении жизни чаще невинных жертв, то есть таким чудовищным, античеловеческим способом.

Возражения против указанного предложения сводились к простым ответам:

– Нет. Я – вообще не сторонник создания ч. 3 ст. 105 УК РФ. Действия «киллера» охватываются в полном объеме действующим законодательством (помощник судьи);

– Нет. Полагаю достаточным п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (адвокат);

– Нет. Представляется, что это будет повторением смысловой нагрузки ч. 2 ст. 105 УК РФ (преподаватель юридического вуза).

Отсутствие возражений по существу на вышеуказанное предложение дает основание предположить, что у опрошиваемых не нашлось сколько-нибудь убедительных аргументов против предложенного изменения уголовного законодательства об ответственности за «корыстные» убийства и убийства «по найму».

Полагали бы также целесообразным предусмотреть в ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве отягчающего наказания обстоятельства **«совершение преступления из корыстных побуждений, то есть из желания незаконного получения чужой собственности или приобретения в результате совершения преступления материальной (имущественной) выгоды, пользы, или избавиться от материальных (имущественных) затрат, либо из иных корыстных побуждений»**.

Во втором абзаце этого пункта отягчающих наказание обстоятельств следует сделать следующее дополнение:

«В качестве обстоятельства, отягчающего наказание, указанного в данном пункте настоящей статьи, не может быть признано совершение преступления из стремления избавиться от нужды, выйти из тяжелого материального затруднения или бедственного положения, в котором лицо оказалось в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств».

Надо согласиться с С.В. Павлуцкой в том, что «не основанные на гражданско-правовых отношениях материальные требования потерпевшего (например, карточный долг), послужившие мотивом убийства, не могут квалифицироваться по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [4, с. 19]. Однако это представляется нам правильным не потому, что требования потерпевшего материального характера к будущему убийце или «заказчику» убийства **незаконны**, а потому, что такое убийство совершается **из мести** за то, что потерпевший требовал от виновного, скажем, уплаты того же карточного долга, хотя незаконный материальный интерес такого «должника» в убийстве, безусловно, здесь просматривается. Однако этот интерес не может рассматриваться как субъективное основание расправы, учиненной в отношении лица,

которое не имеет никаких правовых обязанностей перед виновным в его убийстве или в «заказе» на его убийство. Поэтому **доминирующим мотивом** указанного убийства должен быть признан **мотив мести** за незаконные материальные требования, преследования и угрозы со стороны потерпевшего.

По мнению Э.Ф. Побегайло, «убийство из корысти является тягчайшим преступлением. При таком убийстве особенно ярко проявляются такие отрицательные черты личности преступника, как крайний эгоизм и частнособственнический индивидуализм, предельная нравственная испорченность и низменность натуры, дух стяжательства, стремление к наживе любой ценой, даже ценой жизни другого человека. Именно при совершении корыстного убийства преступник в большинстве случаев заранее обдумывает и тщательно взвешивает все обстоятельства, детали и средства на пути к достижению намеченной корыстной цели, и это свидетельствует о чрезвычайно высокой степени общественной опасности такого убийства и личности корыстного убийцы» [5, с. 503-504].

Конечно, «не следует отождествлять корыстные побуждения как мотив убийства с корыстолюбием, жадностью как свойством личности» [6, с. 95]. Однако, именно от корыстолюбивого (жадного) человека чаще всего можно ожидать совершения такого убийства в погоне за материальной (имущественной) выгодой, пользой. Как говорится, «ищи того, кому это было выгодно, и кто был на это способен». Иными словами, глубокое изучение личности виновного во многом позволяет определить данный мотив совершенного им убийства и правильно квалифицировать содеянное.

Убийство, совершенное из корыстных побуждений, имеет место тогда, когда корысть, как основное побуждение к убийству, возникла до его совершения, а не после убийства (например, после убийства из мести или хулиганских побуждений убийца похищает деньги или имущество убитого).

В тех случаях, когда виновный до нападения на потерпевшего с целью противоправного завладения его имуществом или в процессе такого нападения решает с целью облегчения такого хищения убить его, он также действует по отношению к совершаемому убийству **из корыстных побуждений**, хотя здесь, наряду с этим, имеет место убийство с целью облегчить другое преступление (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и разбой. При этом квалификация по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ предполагает указание не только на «сопряженность убийства с разбоем», но и на то, что оно совершено «**из корыстных побуждений**».

Литература:

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997. – 763 с.
2. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Науч. ред. Лысов М.Д. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.
3. Шур Э.М. Наше преступное общество: социальные и правовые источники преступности в Америке. – М.: Прогресс, 1977. – 325 с.
4. Павлуцкая С.В. Убийства, совершаемые при отягчающих обстоятельствах, характеризующих особенности субъективной стороны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2009. – 30 с.
5. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 1066 с.
6. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика – М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. – 256 с.

Lucrative and Contract Killing: Classification and Differentiation of Criminal Responsibility

B.V. Sidorov, G.A. Babichev
Kazan (Volga Region) Federal University

The authors give social and moral characteristics of profit and mercenary motives as a dominant motive of criminal behavior, for instance, murder, provided for in unit “Z” Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper presents the legal nature of contract murder and some aspects of classification and differentiation of legal responsibility for lucrative killing, robbery, banditism and blackmailing offenses.

Key words: murder, profit motives, mercenary motives, classification, differentiation, aggregate of crimes, robbery, banditism, blackmailing offenses, motive, aim, crime, punishment, degree of subjective and social danger.